

ПОДСУДНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМЪ

ПО

ПОВОДУ ДИССЕРТАЦИИ - БРОШЮРЫ

Г-НА СТРУВЕ.

Н. Аксакова.

МОСКВА.

Типографія В. Готье, на Кузнецк. мосту, к. Торлецкаго.

1870.

2052

Дозволено цензурой. Москва 9 Апрель 1870 г.

2007338882

Несчастный матеріализмъ, въ самомъ дѣлѣ! Столько въ послѣдніе годы трепали его и приверженцы и противники—забавно хвастались имъ одни и забавно негодовали на него другіе — что начинаютъ, кажется, уставать и тѣ и другіе. И жалко именно, если это направленіе отпадетъ отъ мнѣнія и убѣжденій единственно отъ того, что устанутъ съ нимъ и отъ него. Только то прочно, что понято. А что мы видѣли у насъ въ разсужденіяхъ *за* и *противъ* духа кромѣ поверхностности. Противники матеріализма были поверхностны не менѣе защитниковъ: *дюжинныя компиляціи, ссылки на авторитетъ*, бездоказательное негодованіе, частные набѣги или же *будто-ученое обсужденіе* съ намѣреніемъ опроверженія, но съ точки зрѣнія *такой* системы, которая сама есть матеріализмъ, только не узнавшій самъ себя, не дошедшій до послѣднихъ выводовъ. *Гиляровъ-Платоновъ*. Современныя Извѣстія за 6 Апрѣля 1869 г.)

Всѣ интересующіеся вопросами науки и жизни обрадованы были пронесшимся на дняхъ по Москвѣ слухомъ о выходѣ самостоятельнаго, строго-научнаго труда, разбирающаго и отличающаго матеріализмъ. Мы говоримъ «самостоятельнаго» и «строго-научнаго» потому, что трудъ г. Струве написанъ для полученія докторской степени, а не самостоятельный и не строго-научный трудъ не можетъ конечно имѣть подобнаго притяза-

нія. Всеобщее любопытство возросло еще болѣе, когда пронесшійся слухъ оказался справедливымъ, и на окнахъ книгопродавцевъ появилась тоненькая (изъ 101 съ $\frac{1}{2}$ страницъ состоящая) брошюра, озаглавленная: «*Самостоятельное начало душевныхъ явленій* — психо-физиологическое изслѣдованіе, написанное съ цѣлю полученія степени доктора философіи Императорскаго Московскаго Университета Генрихомъ Струве.» Брошюра эта оказалась просто отдѣльнымъ оттискомъ носящей тоже заглавіе статьи февральской книжки «Русскаго Вѣстника». Ежели, не смотря на незначительный объемъ свой, брошюра эта «написана съ цѣлю полученія степени доктора философіи,» то конечно должна она заключать въ себѣ изслѣдованія, факты и выводы новые, или по крайней мѣрѣ не находящіеся въ каждомъ изъ популярныхъ изложеній полемики съ матеріализмомъ, извѣстныхъ не только всѣмъ безъ исключенія специалистамъ, но даже и большинству дилетантовъ.

Такъ мы думали и такъ должны были думать. И чтоже?....

Но мы удержимся отъ выраженія собственнаго нашего сужденія о трудѣ г. Струве и пригласимъ читателей нашихъ слѣдовать вмѣстѣ съ нами небольшою и недлинною экскурсію по небольшой и не длинной его брошюрѣ.

Сочиненіе г. Струве, по самой уже обстановкѣ своей, имѣетъ претензію на званіе труда философскаго, и мы вполнѣ вправѣ ожидать отъ него изложенія совѣтливой, строго-научной критики той системы, которую обыкновенно называютъ у насъ матеріализмомъ: Чѣмъ же окажется оно на самомъ дѣлѣ? — Разсужденіемъ-ли въ дѣйствительности философски-научнымъ или только «частнымъ набѣгомъ съ бездоказательными ссылками на авторитетъ», — вѣрной ли положительной критикой или же «будто ученымъ обсужденіемъ матеріализма съ намѣреніемъ опроверженія, но съ точки зрѣнія такой системы, которая сама есть матеріализмъ, только не узнавшій самъ себя, не дошедшій до послѣднихъ своихъ выводовъ?» Чтобы отвѣчать

на вопросъ этотъ, рассмотримъ психологическія возрѣнія са-
мого г. Струве:

«Исслѣдованіе вопроса о самостоятельномъ началѣ душев-
ныхъ явленій или короче вопроса: существуетъ ли душа или
нѣтъ? — говоритъ г. Струве — требуетъ предварительнаго объ-
ясненія того, что подразумѣваемъ мы подъ словомъ *душа*.»
(Стр. 13).

Уже самая эта постановка вопроса не вполне вѣрна и тол-
кова, ибо матеріалистическія теоріи, въ большинствѣ случаевъ,
отрицали не существованіе души, какъ ошибочно полагаетъ
г. Струве на 37-й страницѣ, а только ея *нематеріальность*.
Дѣятельность психическую приписываетъ материализмъ (за ис-
ключеніемъ Молешота и Фогта) не всякой частицѣ матеріи
вообще, но только или извѣстному роду матеріи, или извѣст-
ной части матеріальнаго организма или, чаще всего, особой
психической силѣ. Эту-то силу или эту-то особую по строенію
своему и свойствамъ матерію называетъ онъ тоже источни-
комъ психическихъ явленій, *душою*.

«Вопросъ: «существуетъ ли душа или нѣтъ»? — продолжаетъ
г. Струве, «не содержитъ въ себѣ по нашему мнѣнію ничего
другаго кромѣ вопроса: имѣютъ ли такъ называемыя душев-
ныя явленія особое, самостоятельное начало и особую, само-
стоятельную причину, или же всѣ эти явленія можно объяс-
нить на основаніи *извѣстныхъ* физическихъ и фізіологичес-
кихъ процессовъ.»

Это поясненіе вопроса еще болѣе невѣрно и неудачно, по
мнѣнію нашему, чѣмъ самая его постановка. Что явленія
душевыя имѣютъ начало самостоятельное, а не общее со всѣ-
ми другими явленіями жизни человѣческой, — съ этимъ (помимо
двухъ или трехъ исключеній), соглашаются и сами матеріали-
сты, хотя и признаютъ они это начало *матеріальнымъ* оди-
наково съ прочими. Для г. Струве, какъ намѣревающагося по-
лемизировать съ матеріализмомъ, вопросъ долженъ слѣдова-
тельно заключаться не въ томъ: самостоятельно ли или нѣтъ на-

чало душевныхъ явленій, а въ томъ: матеріально ли оно или нѣтъ. Самостоятельнымъ могло-бы оно, пожалуй, быть названнымъ, какъ видимъ мы, и оставаясь матеріальнымъ. Вѣдь называютъ же его такъ и матеріалисты, какъ напр. Фигъ, Дюбуа-Ремонъ, Лудвигъ и др., по мнѣнію которыхъ явленія душевныя производятся силою *особою* отъ движенія, теплоты, электричества и т. д. и въ слѣдствіе того самостоятельной.

«Матеріализмъ, по мнѣнію г. Струве, есть результатъ недоразумѣнія». Съ этимъ мы согласимся довольно охотно. «Недоразумѣніе это заключается въ неправильномъ и невѣрномъ возрѣніи на душу». Мы и этого не станемъ оспаривать. — Ежели бы понятіе о душѣ было болѣе выяснено наукой, то тогда было бы совершенно ясно и отраженіе ея на матеріальности, и матеріализмъ не имѣлъ-бы физической возможности къ существованію. «Матеріализмъ», скажемъ мы вмѣстѣ съ г. Струве, «есть результатъ неточностей, которыя допускаемъ мы въ нашемъ возрѣніи на душу». Но въ чемъ заключаются эти неточности? — вотъ вопросъ.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ г. Струве, что главная причина почему большая часть матеріалистовъ съ такою страстію нападаютъ на принятіе души — есть то, что они имѣютъ совершенно опредѣленное представленіе о ея сущности, т. е. метафизическихъ признакахъ. (Давно-ли обзавелся матеріализмъ такой премудростію). Матеріализмъ, отрицающій существованіе души имѣетъ по бѣльшей части въ виду одно стороннее, отвлеченное, идеалистическое понятіе о душѣ, по которому душа есть существо, не владѣющее никакими силами реальнаго, *матеріальнаго* бытія, существо противопоставляющееся безусловно всякой вещественности и не имѣющее съ ней ничего общаго». (Стр. 15).

Почему полагаетъ г. Струве, что матеріализму въ области философіи могутъ быть извѣстны только психологическіе труды самого безобразнаго и крайняго идеализма, который одинъ мо-

жетъ отнимать у души всѣ принадлежащія реальному бытію силы—мы не понимаемъ. Ежели-же г. Струве подъ *реальнымъ бытіемъ* подразумѣваетъ, какъ можно видѣть изъ собственныхъ словъ его, только бытіе матеріальное, то въ этомъ идеалисты уже окончательно не виноваты. «Что душа, *какъ существующая*, должна имѣть необходимо нѣчто общее съ матеріей какъ также *существующей*» — это сознавали и самыя крайніе идеалисты (ежели только признавали они вообще существованіе матеріи). Общее свойство это заключалось для нихъ въ самомъ *бытіи*, въ самомъ *существованіи*. Силы присущей всему реальному никогда не отнимала у души ни одна философія. Но ни одна философія, кромѣ матеріалистической, не приписывала ей тоже силъ матеріальныхъ, какъ-то дѣлаетъ г. Струве въ приведенной нами выше цитатѣ.—(Какія-же это силы и въ чемъ заключается ихъ проявленіе?) Говоря что, по мнѣнію идеалистовъ, душа не владѣетъ никакими силами *реального, матеріальнаго* бытія, г. Струве явно отнимаетъ реальность отъ духа и приписываетъ ее одной только матеріи.

«Мы согласны, говорить г. Струве, что такой идеалистической души въ человѣкѣ нѣтъ» т. е. нѣтъ въ немъ, но мнѣнію г. Струве, души, не владѣющей силами *матеріальнаго бытія*. Силами-же матеріальными называются во всѣхъ безъ исключенія физикахъ и во всѣхъ безъ исключенія метафизикахъ только свѣтъ, магнетизмъ, теплота, звукъ, электричество, гальванизмъ и движеніе. Неужели полагаетъ г. Струве, что нѣтъ въ человѣкѣ души, которая не имѣла бы болѣе или менѣе сильную температуру, болѣе или менѣе установившійся ритмъ движенія, большую или меньшую тяжесть? Неужели полагаетъ г. Струве, что «обладающая матеріальными силами душа» должна обладать и свѣтомъ, и звукомъ, и гальванизмомъ, и электричествомъ? (вѣдь другихъ матеріальныхъ силъ мы не знаемъ). Души же, не обладающей силами этими, по мнѣнію г. Струве, *не существуетъ*.

Такимъ образомъ, «самостоятельное начало душевныхъ явле-

ній» должно, по мнѣнію г. Струве, обладать силами матеріальнаго бытія. Но г. Струве забываетъ конечно, что силы не могутъ дѣйствовать безъ субстрата, и силы матеріальныя слѣдовательно безъ такого-же матеріальнаго субстрата. (Выраженіе «безъ матеріи нѣтъ силы» невѣрно только въ томъ отношеніи, что оно упускаетъ изъ виду силы нравственныя, которыя существуютъ безъ матеріи, хотя и вовсе не безъ реальнаго субстрата). Ежели-же, по мнѣнію г. Струве, душа обладаетъ матеріальными силами, то она есть тоже и *матеріальный субстратъ*.

«Отличіе души отъ началъ физическихъ не составляетъ еще никакой абсолютной противоположности этихъ явленій, исключяющей *общее для нихъ и для души основаніе*». (Стр. 15).

Странное противорѣчіе! Г. Струве защищаетъ самостоятельное начало душевныхъ явленій, и въ то-же самое время говоритъ, что «начало» это имѣетъ основанія общія со всѣми физическими явленіями. Какъ-то странно понимаетъ онъ должно быть идею самостоятельности!

Причина душевныхъ явленій составляетъ такимъ образомъ, по мнѣнію г. Струве, самостоятельное начало, *имлющее однако общее со всѣми физическими явленіями основаніе, владящее силами матеріальнаго бытія* или, что тоже самое, просто *матеріальными* силами. Самостоятельное начало это является въ слѣдствіе того особою, отдѣльною силою, не противоположною однако другимъ силамъ, а напротивъ вполне однородною съ ними. — «Вѣдь мы и въ физическомъ отношеніи, говоритъ г. Струве, ясно отличаемъ разныя силы и причины *извѣстныхъ* физическихъ явленій, не принимая однакожь между ними никакой враждебной противоположности, нарушающей единство матеріальнаго міра; электричество напр. имѣетъ совершенно другое начало нежели тяжесть; причины этихъ явленій основательно различаются, но эта разница, при всей своей основательности, не становится противу-

положностію, исключаяущею общее матеріальное начало этихъ явленій». (Стр. 16).

Говоря другими словами, свѣтъ, теплота, звукъ, магнетизмъ, электричество, гальанизмъ и движеніе составляютъ въ отношеніи другъ къ другу особыя хотя и не противоположныя другъ другу силы (правильно или не правильно это возрѣніе мы увидимъ позднѣе). Изъ однородности этой выводить г. Струве и отсутствіе необходимости для силы духовной, будучи силой *особенной*, быть силой *противуположной* всѣмъ остальнымъ физическимъ силамъ. Другими словами, г. Струве находитъ что самостоятельная духовная сила относится къ силамъ матеріальнымъ точно такъ-же какъ эти послѣднія относятся другъ къ другу, или — что тоже самое — что она отличается отъ нихъ на столько, на сколько сами они отличаются другъ отъ друга.

Къ числу матеріальныхъ силъ всѣмъ извѣстныхъ прибавляетъ онъ такимъ образомъ новую силу *духовную*, имѣющую «общее съ ними основаніе» (стр. 15) и отличающуюся отъ нихъ только на столько, насколько свѣтъ отличается отъ звука, или теплота отъ движенія. При такомъ возрѣніи на душу, матеріализмъ конечно теряетъ послѣднее право существованія, видимо отождествляясь съ спиритуализмомъ (ежели только г. Струве можетъ служить представителемъ послѣдняго, а не перваго).

Повторимъ снова: душа, по опредѣленію г. Струве, есть особое начало душевныхъ явленій, имѣющее со всѣми физическими и душевными явленіями общія основанія бытія (стр. 17) и относящееся къ другимъ дѣйствующимъ въ природѣ силамъ точно такъ же, какъ эти послѣднія относятся другъ къ другу. Причина душевныхъ явленій *особа* отъ причинъ производящихъ свѣтъ, тепло, движеніе и т. д. хотя и *однородна* съ ними. Сила духовная составляетъ, слѣдственно, только особое звѣно изъ цѣпи *однородныхъ* между собою силъ природы.

Опредѣленіе г. Струве было бы можетъ быть и остроумно, еслибы, въ ущербъ ему, не открыла современная наука про-

тивнаго началу 16 страницы (выписанному нами выше) и неизвѣстнаго должно быть автору разбираемой нами брошюры закона взаимодѣйствія силъ, по которому всѣ дѣйствующія въ природѣ силы составляютъ только производимыя обстоятельствами видоизмѣненія одной и той же общей для всѣхъ ихъ силы. Теплота, звукъ, свѣтъ и т. д. составляютъ только видоизмѣненія движенія, но могутъ сами въ тоже время видоизмѣняться въ движеніе же и переходить другъ въ друга. Свѣтъ можетъ обращаться въ теплоту, электричество въ свѣтъ, тепло и звукъ и т. д. (См. между проч. *Гельмольца*. «Законы сохраненія силы» и *Фарадея* Соотношеніе силъ).

Ежели была бы вѣрна теорія г. Струве, то и сила *духовная*, на основаніи закона соотношенія силъ, должна была бы подвергаться процесамъ взаимодѣйствія и видоизмѣненія. Она сама могла бы обращаться въ другія физическія силы и всѣ физическія силы могли бы видоизмѣняться въ нее. Дѣятельность душевная стала бы въ такомъ случаѣ однимъ изъ видоизмѣненій электричества или свѣта, а мысль или сознаніе стали бы тоже или «особымъ колебаніемъ изъ общаго въ природѣ движенія, какъ утверждаетъ въ рѣчи своей г. профессоръ Соколовскій, или «особымъ прерываніемъ ровнаго гальваническаго тока», какъ говорятъ другіе матеріалисты.

Какъ-же отнесемъ мы въ настоящемъ случаѣ къ труду г. Струве? Примемъ-ли мы его за основательно—научную критику или за «будто-ученое обсужденіе матеріализма съ намѣреніемъ опроверженія, но съ точки зрѣнія такой системы, которая сама есть матеріализмъ, только не узнавшій самъ себя, не дошедшій до послѣднихъ своихъ выводовъ».

Но возвратимся къ изложенію психологическихъ воззрѣній г. Струве.

Начиная на 14 страницъ своей брошюры главу о методѣ, г. Струве явно признаетъ свое опредѣленіе души уже законченнымъ. «Опредѣливъ точно понятіе о душѣ, какъ предметъ нашего изслѣдованія, говоритъ онъ, мы при-

ступимъ къ рѣшенію вопроса какимъ способомъ, какимъ путемъ мы должны изслѣдовать вопросъ о ея существованіи.»

Ежели г. Струве, повторимъ мы, полагаетъ понятіе о душѣ опредѣленнымъ первыми страницами своей брошюры, то мы въ правѣ заключить что это опредѣленіе состоитъ въ *признаніи* её простою силою, *отличною* отъ свѣта, тепла, магнетизма, электричества и движенія, но однакоже *однородною* съ ними и вслѣдствіе того *матеріальною*.

Но чѣмъ-же отличается это опредѣленіе отъ опредѣленія современнаго научнаго матеріализма? Вѣдь и всѣ современные матеріалисты видятъ причину душевной дѣятельности не въ движеніи, теплѣ или электриествѣ, но въ особой хотя и однородной съ ними силѣ, которую и называютъ они, въ отличіе отъ остальныхъ силъ природы, силою *нервной, витальной, психической*.

Г. Струве отчасти не *отказывается* и *самъ* отъ *матеріализма*. Когда указано было на диспутъ г. профессоромъ Усовымъ на невѣрно сдѣланное (въ изложеніи ученія Флуранса о знаменитомъ *puer vital*) отождествленіе силы витальной съ силою психической (отождествленіе совершенно противное теоріи Флуранса), г. Струве согласился что «не дѣлаетъ различія между силой жизненной и силой душевной», и на послѣдовавшее за тѣмъ замѣчаніе что слѣдовательно и растеніямъ присуща эта душевная сила, отвѣчалъ: «а почему же нѣтъ?»—Но ежели въ человѣкѣ находится только та-же самая душевная сила что и въ растеніи, то спиритуализмъ не много выиграетъ, ежели даже г-ну Струве и удастся въ дальнѣйшемъ своемъ изслѣдованіи доказать ея существованіе.

Впрочемъ не мы первые дѣлаемъ упрекъ въ матеріализмѣ новому нашему философу-спиритуалисту. Единственный, какъ кажется, критикъ нѣмецкаго труда г. Струве, знаменитый естествоиспытатель, анти-матеріалистъ, Шлейденъ такъ выражается о немъ въ своемъ обсужденіи матеріализма: «Есть ученые, говоритъ онъ, которые, совершенно не стѣсняясь, произносятъ

чисто — материалистическія положенія, протестуя однако противъ материализма и утверждая что слова ихъ имѣютъ совершенно иное (не знаемъ только какое) значеніе. Таковы напр. Вирховъ или Генрихъ Струве, авторъ брошюры: *Zur Entstehung der Seele* (См. *Schleiden* *Über den Materialismus* 7).

* *
*

Итакъ, зная изъ самой постановки вопроса, что подразумеваетъ г. Струве подъ именемъ души, мы напередъ можемъ угадывать нелогичность его рѣшенія, ибо къ чему же опровергать материализмъ, ежели въ основаніи, въ исходной точкѣ опроверженія лежитъ такой же точно поверхностный, такой же точно нелогическій материализмъ. Чѣмъ яснѣе и положительнѣе будетъ рѣшеніе вопроса, чѣмъ основательнѣе и убѣдительнѣе будетъ опроверженіе, тѣмъ болѣе будетъ противорѣчія съ постановкою вопроса, и тѣмъ несостоятельнѣе и нелогичнѣе будетъ самый трудъ новаго ревнителя вопроса о духѣ.

Возрѣніе г. Струве на душу было бы самостоятелно, ежели бы и до него не смотрѣли на нее такъ же многіе и многіе материалисты; постановка вопроса была бы также самостоятельна, ежели бы до г. Струве не ставилъ его такимъ же почти точно образомъ знаменитый Ноакъ, редакторъ знаменитаго материалистическаго журнала *Psyché*. Но Ноакъ принялъ на себя всѣ послѣдствія своего опредѣленія; г. Струве оставилъ всѣ послѣдствія эти въ сторонѣ. Ноакъ, совершенно подобно г-ну Струве, предположилъ однородность физическихъ и психическихъ силъ, но онъ довелъ до конца свою теорію. Ему было извѣстно, что всѣ физическія силы составляютъ только разновидности движенія, и онъ, какъ человѣкъ послѣдовательный, согласился и съ «послѣднимъ выводомъ» своей теоріи и призналъ мысль однимъ изъ видовъ движенія. Но не такъ поступилъ г. Струве. Не гоняясь за особенною послѣдовательностью, онъ не дошелъ до послѣднихъ выводовъ своей теоріи и, ничѣмъ въ сущности не отличаясь отъ Ноака, повторяя толь-

ко его слова, онъ захотѣлъ однако сохранить за собою названіе ревнителя спиритуализма. А Ноакъ (неотличающійся въ основаніи отъ г. Струве) остался причтеннымъ къ матеріалистамъ, потому что выражалъ мысль свою ясно и логично. «То общее, говорилъ онъ, которымъ условливаются и основываются душевныя дѣятельности, то существенно одинаковое въ обоихъ, къ чему должно относить обѣ области явленій, есть ничто иное какъ движеніе съ его измѣненіями и законами». (*Psyché*, I, VI, 36. у Владиславлева. Современныя направленія въ наукѣ о душѣ 17). Г-нъ Струве говоритъ также, что сила душевная однородна со всѣми остальными силами природы. Силы же эти суть только разные виды движенія:—его сознаніе по теоріи г. Струве есть родъ движенія. Въ чемъ же заключается послѣ того различіе между матеріалистомъ Ноакомъ и спиритуалистомъ Струве.

Итакъ, сдѣланные г-номъ Струве опредѣленіе души и постановка вопроса лишены всякаго самостоятельнаго значенія. Посмотримъ не будетъ ли болѣе самостоятельнымъ самое рѣшеніе этого вопроса?

Необходимость признавать существованіе души выводитъ г. Струве изъ анализа душевныхъ явленій, «необъяснимыхъ, по мнѣнію его, на основаніи *известныхъ* фізіологическихъ и физическихъ процессовъ тѣла». Но матеріализмъ (за исключеніемъ Фогта) и не объясняетъ ихъ на основаніи процессовъ *известныхъ*, но только полагаетъ, что они *могутъ* объясниться на основаніи процессовъ, доселѣ еще *неизвестныхъ*.

Подъ явленіями психическими подразумѣваетъ г. Струве, какъ и всѣ вообще психологи, сознаніе, мышленіе, чувствованіе и волю. Ихъ то и собираетъ онъ анализировать.

Онъ начинаетъ съ сознанія, которое по мнѣнію его заключаетъ въ себѣ три начала: «1) единство, 2) самонаблюденіе и 3) постоянство и тожество (чит. *или тожество*), на основаніи котораго сознаніе человѣка остается въ теченіи всей его жизни однимъ и тѣмъ же, несмотря на всѣ внѣшнія и

внутреннія переменны, вызываемыя временемъ». (36) «Но сравнивая эти явленія съ несомнѣнными выводами новѣйшей физиологій, продолжаетъ г. Струве, мы легко убѣждаемся, что ни для единства, ни для самонаблюденія, ни наконецъ для постоянства и тождества сознательной жизни человѣка мы не встрѣчаемъ въ отправленияхъ тѣла никакого основанія, которое могло бы достаточно объяснить всѣ эти явленія» (37).

Таковъ планъ, избранный г. Струве. Планъ этотъ кажется намъ до такой степени близкимъ къ плану большинства сочиненій, специально посвященныхъ полемикѣ съ матеріализмомъ и въ особенности къ плану извѣстной книги Ульрици (*Gott und der Mensch I B. Leib und Seele.*), что мы позволимъ себѣ рассмотреть брошюру г. Струве въ связи съ этимъ послѣднимъ, упомянутымъ нами трудомъ.

Прежде всего анализируетъ г. Струве единство сознанія. Рассмотримъ насколько самостоятеленъ и насколько наученъ его анализъ.

Г. Струве, подобно Ульрици, начинаетъ указаніемъ на несостоятельность попытки Флуранса отыскать центръ «психическихъ явленій» (т. е: ощущенія, воли и т. д.) Но тутъ г. Струве дѣлаетъ значительную ошибку. Ульрици, ссылаясь на 40, 60 и 73 стр. I т. Флурансова труда *De la vie et de l'intelligence*, доказываетъ различіе, существующее (по теоріи Флуранса) между явленіями жизненными и явленіями психическими, и утверждаетъ, что послѣднія сосредоточены въ большихъ полушаріяхъ и уничтожаются съ ихъ вырѣзываніемъ, тогда какъ первыя продолжаютъ еще существовать. Г. Струве, ссылаясь на невѣдомую ему страницу, указанную Ульрици въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ другаго своего труда (*Богъ и природа Русск. пер. I 211*), явно соединяетъ явленія психическія съ явленіями жизненными, концентрируя общую ихъ причину въ мнимомъ *point* или *noeud vital* Флуранса. Чтобы показать что въ пунктѣ этомъ никогда и не подозрѣвалъ Флурансъ источника «психическаго

явленія, извѣстнаго подъ именемъ единства сознанія», какъ полагаетъ г. Струве, не читавшій, какъ надо полагать, ни одной страницы изъ книги Флуранса, но сославшійся на нее, только довѣряясь ссылкѣ Ульрици (который хотя и не приводитъ самихъ словъ Флуранса, но сылается на нихъ безошибочно), мы позволимъ себѣ выписать подлинныя слова знаменитаго нарижскаго физиолога-виталиста. Вотъ они:

On voit que ce point, premier moteur du mechanisme respiratoire et *noeud vital du système nerveux*, parceque tout ce qui du système nerveux reste attaché a ce point *vit*, et tout ce qu'on en sépare meurt) n'est ainsi que je l'ai répété bien des fois, pas plus gros que la tête d'une épingle.

C'est donc d'un point qui n'est pas plus gros qu'une tête d'épingle que dépend la *vie* du système nerveux, la *vie* de l'animal par consequent, en un seul mot la vie.

Ежели Флурансъ и концентрировалъ источникъ единства жизни животной въ своемъ *point* или *noeud vital*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ концентрировалъ въ немъ и «источникъ единства психическихъ явленій человѣка» (38), тѣмъ болѣе, что, по собственнымъ его словамъ, сила жизненная (*faculté vitale*) ясно отличается отъ силы психической (*faculté perceptive*).

На одной страницѣ съ обсужденіемъ попытки Флуранса отыскать центръ жизненныхъ явленій находимъ мы у Ульрици и краткое обсужденіе теории Пфлюгера о множествѣ центровъ нервной системы, съ ссылкою на трудъ Пфлюгера *Die sensorischen Functionen des Rückenmarks etc. 1852* (безъ указанія страницы), и къ удивленію находимъ и до буквальности схожее обсужденіе его и ссылку на него (также безъ указанія страницы) и въ трудѣ г. Струве, непосредственно вслѣдъ за невѣрнымъ обсужденіемъ теории Флуранса (*Ульрици Gott und der Mensch. I 107. Струве 39*). Но Ульрици прибавляетъ, что Лудвигъ, Екгардтъ, Мошотъ и др. физиологи протестовали противъ научной стоимости теории Пфлюгера;

г. Струве забываетъ это прибавленіе и излагаетъ теорію Пфлюгера какъ стоящую внѣ всякихъ научныхъ сомнѣній.

На непосредственно слѣдующей (108) страницѣ книги Ульрици находится изложеніе теоріи Рудольфа Вагнера, съ ссылкой на статью его въ *Göttingische Nachrichten* 1860 № 6 Seite 57 ff.) и туже самую ссылку и тоже самое изложеніе находимъ мы и на слѣдующей (40-й) страницѣ многоученаго труда г. Струве.

Затѣмъ упоминаетъ г. Струве объ открытіи, сдѣланномъ Браунъ-Секвардомъ относительно вырѣзыванья Флурансова узла и ссылается на статью самого Браунъ-Секварда въ *Journal de Physiologie* 1858 I 217, почерная ссылку эту на тойже страницѣ тогоже труда Ульрици, съ которой списалъ онъ и непонятую имъ ссылку на трудъ самого Флуранса. Но такъ какъ въ глазахъ самого Флуранса *pseud vital* не былъ никогда центромъ психическаго единства, то и вырѣзыванье его Браунъ-Секвардомъ вовсе ничего не доказываетъ и является въ трудѣ г. Струве совершенно излишнимъ..

Г. Струве упускаетъ затѣмъ (краткости ради) всѣ остальные, излишнія по мнѣнію его цитаты и изслѣдованія Ульрици и переходитъ прямо къ 118—121 стр. его сочиненія, излагая *сообразно* съ ними или вѣрнѣе по нимъ на 41 и 42 стр. своей брошюры единство сознанія, противорѣчащее отсутствію единства въ первой системѣ человѣка.

Многоученый трактатъ о единствѣ сознанія былъ бы, какъ видно изъ словъ нашихъ, просто-напросто цѣликомъ выписанъ изъ Ульрици, ежели бы не пришло на умъ г. Струве, «для успокоенія осторожныхъ умовъ», привести слова «одного изъ лучшихъ и осторожнѣйшихъ изслѣдователей, котораго никто не можетъ упрекнуть въ философскихъ грезахъ—слова проф. Вирхова» (42). Вирховъ, какъ физиологъ, обладаетъ конечно весьма обширными свѣденіями, но какъ мыслитель онъ, подобно г. Струве, имѣетъ также привычку часто противорѣчить самому себѣ. г. Струве кажется и самъ сознаетъ отчасти это свойство «не увлекающагося никакими» философскими грезами уче-

наго, «ибо на стр. 30, приводя его, онъ замѣчаетъ самъ, что на нихъ собственно» не ссылается ни одинъ матеріалистъ, хотя они *всл* и *при всякомъ случаѣ* ссылаются на слова этого знаменитаго естествоиспытателя. «Но ежели кромѣ словъ, приведенныхъ г. Струве, находятся у Вирхова—мыслителя и такія, на которыя могутъ ссылаться не только *всл* матеріалисты, но даже и *при всякомъ случаѣ*, то не великое же значеніе имѣютъ его слова. Да и какъ можно называть его осторожнѣйшимъ изслѣдователемъ, когда допускаются у него такія противорѣчія. Можно ли давать словамъ его значеніе исповѣди естествоиспытателя? Да и можно ли напр. по *материалистическимъ* выраженіямъ *антиматериалиста*, напр. г-на Струве, заключать о торжествѣ матеріализма? Чтобы выказать нелогичность, непоследовательность, неясность и несвязность сужденій Вирхова, я позволю себѣ двѣ или три цитаты. «Ежели мы не хотимъ, говорить напр. Вирховъ на 5-й стр. своихъ Vier Reden ueber Leben und Krankenseyn, погружаться въ туманныя и произвольныя бредни, то мы должны будемъ примѣнить понятіе жизни къ однимъ только живымъ существамъ». Такимъ образомъ, съ удивительною логичностью заключаетъ «не увлекающійся философскими грезами ученый», что только *живое живо*. Но однако вскорѣ послѣ тавтологическаго заключенія этого, на стр. 12-й восклицаетъ тотъ же самый ученый: «Напрасно стараются найти противоположность между жизнью и механикой». Одинаково нелогично и можно даже сказать нелѣпо, замѣчаетъ тотъ же самый писатель на 24 страницѣ, что «законъ безъ силы, планъ безъ собственной дѣятельности есть субстанція» (См. *Schleiden Ueber den Materialismus* 40 f.). Понятно что въ такомъ наборѣ словъ могутъ и матеріалисты и спиритуалисты находить одинаково подтвержденіе. Но неужели можно назвать такого писателя «осторожнѣйшимъ изъ изслѣдователей, не увлекающимся философскими грезами ученымъ». Видно не напрасно поставилъ Шлейденъ Вирхова—мыслителя на одну доску съ г. Струве.

Начало слѣдующаго за симъ періода *о самонаблюденіи* начинается фразою, видимо самостоятельною и оригинальною, ибо ее не могъ до сего времени произнести не одинъ еще философъ. «Второе явленіе сознанія, говоритъ г. Струве, есть его самонаблюденіе». Но что же и есть сознаніе какъ не самонаблюденіе, и наоборотъ, что же есть самонаблюденіе какъ не сознаніе. Слова г. Струве значать только: второе явленіе сознанія есть сознаніе или второе явленіе самонаблюденія есть самонаблюденіе—что положительно уже нелѣпо. Самонаблюденіе можетъ быть только сущностью сознанія, а никакъ уже не его явленіемъ. Силы физическія лишены не самонаблюденія, какъ одного только явленія сознанія, но лишены самого сознанія.

Вслѣдъ за тѣмъ, на стр. 43—45, многообразно и многократно новтворяетъ г. Струве одни и тѣ же слова: «Силы физическія суть силы простыя, а сила психическая есть сила двойственная, сама на себѣ же рефлектирующаяся. «На основаніи физическихъ началъ *вовсе нельзя понять*, какъ два самостоятельные процесса могутъ проникнуть другъ друга до такой степени, чтобы одинъ дошелъ до вѣдѣнья существованія другаго». Разсужденіе это весьма дѣльно, да только уже очень не ново. Да при томъ врядъ ли найдется матеріалистъ, который не сумѣлъ бы срѣзать его простымъ словомъ: «Да мало ли чего мы не понимаемъ и что однакоже существуетъ; вѣдь мы и вашего психического процесса *вовсе не понимаемъ*, а вы говорите же что онъ существуетъ».

На стр. 46 возвращается авторъ къ тому же единству сознанія и къ тому же не-единству нервной системы, о которыхъ уже такъ неудачно онъ говорилъ. «Сознаніе, по словамъ его, совершенно отлично отъ физиологическихъ явленій ощущенія свѣта и звука». Да все это знали и спиритуалисты и матеріалисты и до простодушно—выраженныхъ словъ г. Струве. Что же писать противъ матеріализма, если достаточно такихъ, простодушныхъ фразъ. Пусть и матеріализмъ, но все же поглубже этихъ опроверженій.

Такимъ образомъ, на всѣхъ 43—48 страницахъ сколько либо оригинальнымъ и самостоятельнымъ находимъ мы только одно «самонаблюденіе сознанія», которому подобно могло бы быть только то, если бы другой психологъ сталъ говорить о *желянлхъ воли* или физикъ о *воздухообразности воздуха*.

Послѣднимъ звѣномъ самостоятельной части труда г. Струве служитъ параграфъ, посвященный изслѣдованію тождества бытія человѣческаго въ теченіи всѣхъ измѣненій, производимыхъ временемъ на матеріальное бытіе человѣка. Пять страничекъ, посвященныхъ изслѣдованію этому, заключаютъ въ себѣ довольно ясное и толковое изложеніе мыслей, находящихся однако во всякомъ почти учебникѣ психологіи и уже во всякомъ конечно трудѣ, посвященномъ полемикѣ съ матеріализмомъ.

Съ открытіемъ на стр. 53 новаго отдѣла, снова начинается копированіе Ульрици. Начинающійся отдѣлъ этотъ посвященъ изслѣдованію мышленія и открывается анализомъ вниманія «служащаго основаніемъ всякаго сознательнаго мышленія». (54).

«Вниманіемъ, говоритъ г. Струве, называемъ мы психическую способность обращаться къ извѣстному предмету и тщательно разбирать его» (54). «Въ связи съ физиологіей, вниманіе представляетъ намъ любопытное явленіе невозможности принимать два разныхъ ощущенія въ одинъ моментъ времени».

Обѣ фразы эти взяты несамостоятельнымъ авторомъ «самостоятельнаго начала душевныхъ явленій» изъ книги Ульрици, откуда почерпнуты и факты, передаваемые имъ на страницахъ 55 и 56, и ссылки на *Bessel. Astronomische Beobachtungen 823 VIII. Abth.* и на *Struve Expedition chronometrique. 1843 p. 29* и на Вебера. *Der Tastsinn und das Gemeingefühl* въ *Wagners Handwörterbuch der Physiologie III 2 стр. 488* и всѣ мысли и всѣ заключенія, находящіяся на 55 и 56 стр., почти буквально скопированныя съ 297—303 стр. Ульрици.

На слѣдующей 58 стр. г. Струве знакомитъ читателей со словами Вундта, схваченными имъ (безъ названія источника, но съ ссылкой на самую книгу Вундта: *Vorles. ueber Menschen*

und. Thierseele I 313) съ 102 стр. книги проф. Владиславлева, котораго онъ однако не благодарить за пользу отъ него полученную, а напротивъ усердно критикуетъ.

Мы не станемъ уже говорить вѣрно или не вѣрно предположеніе что въ одинъ моментъ нельзя принимать двухъ ощущений, такъ какъ г. Струве ни въ *вѣрности* ни въ *невѣрности* его виновать быть не можетъ, и прямо перейдемъ къ разбору слѣдующаго отдѣла, посвященнаго анализу психической дѣятельности виѣшнихъ чувствъ.

Отдѣлъ этотъ открывается почти чудомъ. Г. Струве, вопреки обычаю своему, дѣлаетъ цитату изъ подлинника. Онъ ссылается на подлинныя слова фізіолога Функе и за тѣмъ задаетъ вопросъ: какимъ образомъ можетъ движеніе переходить въ центрахъ нервной системы въ ощущение? (60) «Развѣ только матеріальный догматизмъ, разрѣшающій съ непостижимымъ легкомысліемъ самые трудные фізіологическіе и психологическіе вопросы, говоритъ г. Струве, можетъ отважиться признать тождество движенія съ самымъ ощущеніемъ и допустить, что не только ощущеніе, но и мысль есть движеніе матеріи, какъ это утверждаетъ Молешотъ.» (60) Но развѣ забываетъ г. Струве, что и по собственной его теоріи оказываются психическія явленія, какъ показали мы выше, только различными видами движенія. (См. стр. 10 и 13 нашей критики).

Слѣдующею за симъ 61-ю страницей заканчиваются наивныя разсужденія г. Струве.

На 62-й страницѣ г. докторантъ выписываетъ изъ 76-й страницы книги Ульрици замѣчательныя слова фізіолога-матеріалиста, Лудвига, пополняетъ ихъ цитатами изъ того же Лудвига, взятыми на этотъ разъ изъ другаго труда Ульрици (Богъ и природа. Руск. перев. I 221), и приводитъ за тѣмъ на страницѣ 63-й тѣже самыя заключенія изъ словъ Лудвига, какія приводитъ Ульрици на соотвѣтствующихъ страницахъ своего труда.

Закончивъ заключеніе это, г. Струве перевортываетъ пять или шесть страницекъ того же самого труда и на 64-й стр.

своей брошюры списываетъ съ 87-й стр. Ульрици приводимая съ тою же цѣлью и ради того же самого заключенія «очень вѣрныя слова профессора Фика, автора одного изъ самыхъ лучшихъ сочиненій, касающихся анатоміи и фізіологіи органовъ чувствъ» Оттуда же списываетъ г. Струве и ссылку на Fick's Lehrbuch der Anatomie und Physiologie der Sinnesorgane. 1864 стр. 3.

Завершивъ благополучно эту выписку, г. Струве знакомить насъ съ весьма интереснымъ изслѣдованіемъ Профессора Гельмгольца, напечатаннымъ въ одномъ изъ специальныхъ фізіологическихъ журналовъ (Helmholz. Nachweisungen uber den zeitlichen Verlauf der Nervenerregung въ Mullers Archiv fur Anatomie und Physiologie 1850—1852). Мы на этотъ разъ были поражены начитанностію г. Струве, пока не пришлось намъ напастъ на ту же самую цитату, тоже самое изложеніе и тѣ же самыя заключенія въ томъ же самомъ приблизительно мѣстѣ, откуда выписалъ г. Струве и свою ссылку на Фика на той же самой 64-й страницѣ своего ученаго и оригинальнаго изслѣдованія. Какъ строгій ревнитель истины, г. Струве на этотъ разъ, подъ ссылкой на изслѣдованія Гельмгольца, замѣчаетъ, какъ бы во очищеніе совѣсти: *Смотри тоже Ульрици Gott und der Mensch I. st. 98*).—Но къ чему же смотрѣть бѣдному читателю на стр. 98-ю соч. Ульрици, когда на ней находится почти тоже что и въ и изслѣдованіи Гельмгольца, на которое уже указано, и *буквально* тоже самое что на стр. 64-й, 65 и 66-й труда самого г. Струве. Къ чему въ трехъ разныхъ сочиненіяхъ смотрѣть «*тоже*», когда это *тоже* взято изъ одного источника. Не ради ли удовольствія помѣстить лишнюю цитату, ссылается г. Струве на 98-ю стр. Ульрици. Вѣдь позволяетъ же онъ себѣ черпать изъ Ульрици многое и многое, не помѣчая страницъ.

Мы не станемъ разбирать подробно безцвѣтный, хотя и довольногладкій въ литературномъ отношеніи анализъ представленія, составляющій сокращеніе того, что говоритъ о томъ же предметѣ

Ульрици въ главѣ о зрѣніи, отъ 154 до 193 стр. своего изложенія. Въ изложеніи г. Струве не находимъ мы ни одного новаго факта ниодной самостоятельной мысли (стр. 66—73).

По окончаніи обзорѣнія этого, г. Струве обращается къ изученію чувствованія и фантазіи, сопоставляя ихъ неизвѣстно по какимъ причинамъ. «Къ весьма важнымъ явленіямъ, доказывающимъ самостоятельное начало душевной жизни, относится вліяніе чувствованія и фантазіи на организмъ человѣка» (75). Все входящее въ составъ отдѣла этого не находится *буквально* въ книгѣ Ульрици, и потому мы, къ величайшему удивленію своему, чувствовали побужденіе признать его самостоятельнымъ. Самостоятельность эта казалась намъ однако невѣроятною. Намъ все чудилось что мы ошибаемся, и мы нетерпѣливо поварачивали страницы слишкомъ извѣстной г. Струве книги Ульрици. Поразившій насъ фактъ скоро однако уяснился самъ собою. Декорация около г. Струве перемѣнилась, но самъ онъ остался одинъ и тотъ же и не измѣнилъ до конца своей брошюры методу, которому былъ вѣренъ въ теченіи всей своей работы. Книга Ульрици сошла съ рабочаго стола г. Струве и мѣсто ея заняла Антропология Эммануила Германа Фихте, къ которой начинаетъ относиться философъ также безцеремонно какъ и къ предшествовавшему труду Ульрици.

Приступая къ изученію фантазіи, г. Струве открылъ соотвѣтствующую главу Антропологии Фихте и принялся за свою не совсѣмъ, какъ мы уже видѣли, самостоятельную работу. «Очень часто случается, что вѣра въ какое нибудь медицинское средство имѣетъ слѣдствіемъ дѣйствительное исцѣленіе, хотя данное средство не производило никакихъ физическихъ измѣненій», копируетъ г. Струве (ст. 76), начало того же параграфа на стр. 465 Антропологии Фихте *).

Приведа буквально фразу эту, выпускаетъ г. Струве излиш-

*) Es ist eine oft beobachtete Erscheinung dass der Glaube gewisse Arzneimitteln genommen zu haben ebenso wirkte wie die Arzneimittel selbst — *Fichte Anthropologie* 2 Auf. 465.

ня, по его мнѣнію, философствованія Фихте младшаго и прямо переходитъ къ стр. 469-й, на которой приводится разсказъ Линдемана, съ ссылкой на его трудъ.» Ивѣстенъ фактъ, говорить г. Струве, описанный Линдеманомъ (*Lehre vom Menschen und Anthropologie* 1865 стр. 385) и другими, что одинъ изъ учениковъ знаменитаго Боргева всегда заболѣвалъ тою болѣзнію, о которой бесѣдовалъ профессоръ въ своихъ лекціяхъ («ст. 76). Г. Струве ни Линдемана ни др. не читалъ, а просто списалъ и разсказъ и ссылку съ 469 стр. Фихте. Непосредственно за разсказомъ Линдемана находится въ Антропологіи Фихте разсказъ Фейхтерслебена о томъ, какъ «чтеніе живаго описанія водобоязни вызвало въ читающемъ дѣйствительные симптомы этой болѣзни. Тотъ же самый разсказъ, съ ссылкой на трудъ Фейхтерслебена, находимъ мы и у г. Струве непосредственно за разсказомъ Линдемана. Вслѣдъ засимъ Г. Струве находитъ нужнымъ упомянуть объ «общезвѣстномъ вліяніи психическаго состоянія на развитіе разныхъ болѣзней» (77), и въ сокращеніи передаетъ намъ главныя черты, находящіяся въ изложеніи того же предмета у Фихте, на стр. 466—468 его Антропологіи, вставляя изъ нея въ брошюру свою и ссылку на трудъ *Домриха* *Die Psychischen Zustände, ihre organische Vermittelung und ihre Wirkung in der Erzeugung Körperlichen Krankheiten* 1849.

За тѣмъ, сдѣлавъ на стр. 79 нѣсколько весьма ясно выраженныхъ, хотя ни для кого не новыхъ, замѣтокъ, г. Струве перевертываетъ страницу книги Фихте и, сосбразуясь съ ея содержаніемъ, находитъ, что говоря о вліяніи чувствованія и фантазіи на тѣло, «нельзя не помянуть о такъ называемыхъ явленіяхъ стигматизаціи т. е. о разныхъ наружныхъ физическихъ страданіяхъ, причисляемыхъ исключительнымъ вліяніемъ фантазіи въ субъектахъ, преданныхъ религіозному экстазу», (80), и вмѣстѣ съ самымъ изложеніемъ списываетъ съ вышепоименованной 468 стр. Антропологіи Фихте и ссылки на «*Goeres Christliche Mystick. 1836 II Geschichte der stygmatisirten*, на

статью *Дрюфеля* въ *Salzbuger medicin. Zeitung* 1814 I ст. 145—158 II ст. 17—26.— и на трудъ Енемозера *Das Magnetismus im Verhältniss zur Natur und Religion* 2 изд. 1853. Разумѣтся все это списано, безъ указанія на общій всѣмъ этимъ пестрымъ цитатамъ источникъ—Фихте.

На страницѣ 82-й открывается еще новый отдѣлъ труда г. Струве, специально посвященный разсмотрѣнію «явленій самостоятельной и свободной воли человѣка». Самое названіе «самостоятельной и свободной» уже не совсѣмъ удачно, ибо что такое въ сущности самостоятельное какъ не свободное, и наоборотъ, что же такое свободное какъ не самостоятельное. Не кроется ли чистая тавтологія въ риторическимъ сопоставленіи этомъ.

Все вообще находящееся въ отдѣлѣ этомъ такъ не ново и такъ общеизвѣстно, что можетъ быть пріискано въ любомъ учебникѣ, и такъ слабо, что не заставитъ призадуматься ни одного материалиста, и вслѣдствіи того окончательно бесполезно.

Послѣдній пятый отдѣлъ разбираемой нами многоученой диссертациі-брошюры г. Струве начинается весьма интересными, хотя неизвѣстно однако откуда почерпнутыми (разумѣтся не изъ подлинника, ибо сіе послѣднее было бы вполне противно основному методу г. Струве) словами знаменитаго фізіолога Фолькмана.

Вслѣдъ за цитатою этою, г. Струве беретъ русскій переводъ книжки Жане *Le cerveau et la pensée* и передаетъ намъ на 96, 97 98 и 99 страницахъ первые сорокъ страницъ, этой книги. Всѣ примѣры, выводы и заключенія, помѣщенные на четырехъ страничкахъ этихъ, копируетъ онъ изъ книги Жане съ поразительною вѣрностью. (Мы бы сказали что въ этой вѣрности и состоитъ все достоинство брошюры г. Струве, ежели бы не помнили мы живо, какъ невѣрна была когда то его копіровка Флуранса изъ Ульрици). Такъ напримѣръ, г. Струве сравниваетъ на разбираемыхъ

нами страницахъ мозгъ съ музыкальнымъ инструментомъ, нуждающимся въ артистѣ для музыкальной игры своей, и приписывая себѣ удачное сравненіе это, маневрируетъ имъ самымъ различнымъ образомъ на четырехъ разбираемыхъ нами страницахъ. Какъ ни дорого сердцу г. Струве удачное сравненіе это, но мы принудимъ его признать и его не своимъ законорожденнымъ дѣтищемъ, а приемышемъ, ложно выдаваемымъ за сына. Чтобы вызвать это отреченіе, мы позволимъ себѣ сдѣлать двѣ небольшія выписки изъ книги Жюане и попросимъ читателей нашихъ сравнить ихъ съ содержаніемъ 96, 97 и 98 страницы брошюры г. Струве.

Dans le plus beau peut etre de ses dialogues Platon..... fait parler un adversaire qui demande a Socrate si l'âme ne serait pas semblable a l'harmonie d'une lyre plus belle, plus grande, plus divine que la lyre elle même et qui cependant n'est rien en dehors de la lyre, se brise et s'évanouit avec elle. Ainsi pensent ceux pour qui l'âme n'est que la resultante des actions cerébrales; mais on oublie qu'une lyre ne tire pas d'elle même et par sa propre vertu les accents qui nous enchantent, — et que tout instrument suppose un musicien. Pour nous, l'âme est ce musicien, et le cerveau est l'instrument qu'elle fait vibrer.

Et d'abord nous voyons clairement que, quelque soit le génie d'un musicien, s'il n'a aucun instrument à sa disposition, pas même la voix humaine, il ne pourra nous donner aucun témoignage de son génie. Ce génie même n'aurait jamais pu naître ou se développer. Nous voyons de plus qu'un excellent musicien qui aurait un trop mauvais instrument à sa disposition ne pourrait donner qu'une idée très imparfaite de son talent. Il n'est pas moins clair que deux musiciens qui à mérite égal, auraient à se faire entendre sur deux instruments inégaux paraîtraient être l'un à l'autre dans le rapport de leurs instruments. Ainsi deux âmes qui auraient intrinsèquement et en puissance la même aptitude à penser seront cependant diversifiées par la différence des cerveaux. Enfin un excellent musicien ayant un excellent

instrument atteindra au plus haut degré de l'exécution musicale. En un mot, s'il n'y avait pas d'autres faits que ceux que nous venons de signaler, on pourrait conclure d'une manière à peu près sûre de l'instrument au musicien, comme du cerveau à la pensée, mesurer le génie musical par la valeur de l'instrument, comme les matérialistes mesurent le génie intellectuel par le poids, la forme, la qualité des fibres du cerveau.

Mais il y a d'autres faits que les précédents. Nous voyons par exemple un musicien médiocre ne produire qu'un effet médiocre avec un excellent instrument, et au contraire un excellent musicien produire un admirable effet avec un instrument médiocre. Ici le génie ne se mesure plus à l'instrument matériel. Nous voyons les lésions de l'instrument compensées par le génie de l'exécutant, tel instrument malade et blessé devenir encore une source de merveilleuse émotion entre les mains d'un artiste ému et sublime. Nous voyons un Paganini obtenir sur la corde unique d'un violon des effets qu'un artiste vulgaire chercherait en vain sur un instrument complet, fût-il l'œuvre du plus habile des luthiers; nous voyons Duprez sans voix effacer par l'âme tous ses successeurs. Dans tous ces faits, il est constant que le génie ne se mesure pas, comme tout à l'heure, par la valeur et l'intégrité de l'instrument dont il se sert. Le génie sera la quantité inconnue qui troublera tous les calculs. Il en est ainsi pour l'âme et le cerveau. (Janet 7—10).

Завершивъ обрядъ усыновленія мыслей Жане, г. Струве вспоминаетъ что на письменномъ столѣ его еще лежитъ раскрытая Антропология Фихте и, желая съ большимъ блескомъ заключить многоученное свое сочиненіе, выписываетъ подъ рядъ съ 415 и 387 страницъ ссылки на Фолькманову статью *Gehirn, Wagners Handwörterbuch der Physiologie I—569* Burdach *Bau und Leben des Gehirns III 185*, Shubert *Geschichte der Seele, Fechner Zend-Avesta III* и др. со всѣмъ содержаніемъ относящимся къ этимъ ссылкамъ.

Итакъ, всѣ относящіяся къ диссертациіи познанія многоува-

жаемаго доктора почерпнуты не изъ цѣлаго строя цитированныхъ имъ философскихъ, фзіологическихъ, медицинскихъ и психіатрическихъ сочиненій, но изъ двухъ, много трехъ или четырехъ, преимущественно популярныхъ трудовъ, какъ видно и изъ подробнаго нашего изслѣдованія. Къ тѣмъ же популярнымъ руководствамъ относятся и всѣ почти безъ исключенія цитаты, приводимыя диссертантомъ-компиляторомъ. (Мы должны впрочемъ замѣтить, что исключенія эти потому только могутъ исключеніями назваться, что для нихъ не прискали еще мы достодолжныхъ квартиръ. Г. Струве любитъ, какъ извѣстно, находить людей на чужихъ квартирахъ и выдавать за короткихъ знакомыхъ всѣхъ тѣхъ, кого на знакомыхъ квартирахъ ему случается встрѣтить).

Какже отнесемъ мы послѣ всего сказаннаго нами къ труду г. Струве. Назовемъ ли мы его строго-научнымъ, самостоятельнымъ изслѣдованіемъ или только *«дюжинною компиляціею»*, какъ говоритъ поставленный нами въ возглавіи статьи нашей эпиграфъ?

Компиляція то она компиляція, да только не *дюжинная* а *единственная*.

Но можетъ быть, простодушно замѣтятъ намъ нѣкоторые изъ нашихъ читателей, г. Струве и не желалъ выдавать сочиненіе свое за оригинальное. (Стыдитесь говорить такъ о диссертациі....) Нѣтъ, г. Струве, какъ человѣкъ разсудительный, хорошо зналъ, что диссертациій неоригинальныхъ не бываетъ, и потому на первой еще страницѣ своего труда, слегка намекнувъ на обиліе сочиненій противъ матеріализма, онъ замѣчаетъ, «что при всемъ томъ нельзя сказать, чтобы обиліе помянутыхъ сочиненій дѣлало совершенно излишнимъ *безпристрастное изслѣдованіе этого вопроса и попытку критическаго его рѣшенія*». Очевидно онъ желаетъ присвоить себѣ тѣ изслѣдованія и то рѣшеніе, которыя, какъ мы видѣли уже, просто на просто взяты имъ изъ сочиненій Ульрици, Фихте и Жане. А между тѣмъ на второй стр. своей брошюры г. Струве рѣ-

шается однако назвать трудъ свой трудомъ основательнымъ и добросовѣстнымъ. «Хотя естественно, скромно замѣчаетъ онъ, мы не въ состояніи будемъ удовлетворить всѣмъ такимъ ожиданіямъ, однакоже критическое изслѣдованіе этого вопроса, опредѣленіе степени его важности и отысканіе (не въ трудѣ ли Ульрици?) соотвѣтственныхъ началъ для его окончательнаго рѣшенія, мы полагаемъ вполнѣ достойны основательнаго и добросовѣстнаго труда.»

* *
*

Теперь постараемся опредѣлить то мѣсто, которое занимаетъ г. Струве въ ряду современныхъ и предшествовавшихъ ему философовъ?

Мы должны сказать напередъ, что г. Струве имѣетъ на исторію философіи совершенно особенный, ему одному только свойственный взглядъ, могущій произойти, какъ намъ кажется, развѣ только изъ полнѣйшаго ея незнанія. Г. Струве на стр. 17 рѣзко выдѣляетъ себя изъ среды идеалистовъ, будто бы «представляющихъ душу внѣ всѣхъ признаковъ реальнаго бытія», забывая что никогда идеалисты и не ставили душу внѣ всѣхъ признаковъ *реальной* бытія, но только внѣ признаковъ бытія *матеріальнаго*.

«Понятно, что изслѣдованія нашего вопроса, начиная съ Платона и кончая Гегелемъ, не принимающія во вниманіе ученій фізіологій, потеряли свое значеніе и замѣчательны только въ историческомъ отношеніи» (27). (Будто бы уже и только)! Но г. Струве забываетъ, должно быть, что всѣ изслѣдователи эти работали надъ опредѣленіемъ духа, а вовсе не надъ доказательствомъ его существованія и потому вовсе не нуждались въ фізіологическомъ основаніи. Г. Струве ежели и доказываетъ существованіе духа, то вовсе не опредѣляетъ его. Ежели же онъ почитаетъ опредѣленіемъ то значеніе силы, которое онъ придаетъ ему, то мы позволимъ себѣ скромно на-

помнить ему о Ноакѣ, который кажется ему неизвѣстенъ, (хотя и жилъ послѣ Гегеля) и о *довольно также извѣстномъ* философѣ Аристотелѣ, который жилъ *именно въ этотъ промежутокъ* между Платономъ и Гегелемъ и дѣлалъ именно то же самое опредѣленіе души какъ силы, хотя и не такъ матеріально понималъ ее какъ г. Струве, имѣющій какъ видно точно также «свою особенную исторію философіи», какъ имѣетъ онъ, судя по собственному признанію его на диспутѣ, «свою особенную метафизику».

Психологія у г. Струве тоже, какъ мы уже видѣли, совершенно особенная, ибо, будучи сама по себѣ чистѣйшимъ матеріализмомъ, она имѣетъ однако притязанія на спиритуализмъ.

Не особенная ли и логика у г. Струве? Кажется, что такъ. Мы не станемъ уже повторять той массы нелогичностей, которыя встрѣчали мы на каждомъ шагу, совершая поверхностный во многихъ отношеніяхъ нашъ обзоръ. Мы позволимъ себѣ однако къ нелогичностямъ, уже въ свое время нами замѣченнымъ, присоединить нѣсколько нелогичностей, выписанныхъ Шлейденомъ изъ нѣмецкой брошюры *des ubberall verworfenen Heinrich v. Struwe (Schleiden über den Materialismus). Seite 7).*

«Г. фонъ Струве, говоритъ Шлейденъ, дебютируетъ удивительною премудростію». Человѣкъ, говоритъ, онъ (*Zur Entstehung der Seele 1862 S. VII*), можетъ познавать только то, что отвѣчаетъ объективнымъ способностямъ его природы. Не говоря, что величественное изрѣченіе это, какое бы тамъ значеніе оно ни имѣло, просто на просто настроено на воздухъ, мы позволимъ себѣ замѣтить, что на честномъ настоящемъ нѣмецкомъ языкѣ значить оно только: Человѣкъ можетъ познавать только то, что онъ можетъ познавать».

«Или также говоритъ г. Струве, что человѣкъ не абсолютенъ и не можетъ въ своей конечности познавать абсолютное.» Человѣкъ то не абсолютенъ? Да что же такое значить абсолютенъ? Ровно ничего, ибо абсолютность есть понятіе только

чисто относительное (как напр. сравнительная или превосходная степень) и безъ того, къ чему оно относится, не имѣеть во-все никакого значенія. Человѣкъ абсолютенъ, потому что онъ есть абсолютный человѣкъ. Да и почему же, не будучи абсолютнымъ, не могъ бы онъ постигать абсолютное. Вѣдь на основаніи этой логики можно было бы сказать: Человѣкъ не растеніе, не звѣрь, не планета и т. д. и потому, какъ человѣкъ, не можетъ онъ постигать растеніе, звѣря, планету и т. д. Безмысліе, превышающее всякое фразерство!»

Далѣе: «въ глубокихъ законахъ природы выражается безусловно духовная мощь (Potenz); *духъ есть потенціальное возвышеніе и интенсивное развитіе существующихъ силъ природы* (не притяженія ли?)» «Не просто ли безсмысленный наборъ словъ представляетъ намъ г. Струве? И съ такимъ то фразерствомъ хотятъ говорить объ опредѣлительности.»

Еще далѣе говорить г. Струве о «феноменальныхъ явленіяхъ» (феноменъ сохранилъ въ философіи свое греческое значеніе простаго явленія) Почему не упоминаетъ онъ о «зологическихъ звѣринцахъ», о «ботаническихъ растеніяхъ», о «минеральныхъ камняхъ» и другихъ таковыхъ же безсмыслицахъ, которыхъ не произнесла бы ни одна благовоспитанная горничная (*Schleiden* *Über den Materialismus* S. 43 ff.) (*).

Herr von Struve (*Zur Entstehung der Seele* 1862) debütirt S. VII mit der erstaunenswerther Weisheit: «Der Mensch kann nur das erkennen was seiner objectiven Natranlage entspricht.» Abgesehen davon, das dieser Machtspruch in jeder Bedeutung aus der Luft gegriffen ist, was heizt er denn in gutem ehrlichen Deutsch anderes, als: Der Mensch kann nur erkennen was er erkennen kann; eine ganz triviale Tautologie.

Oder ebenda: «Der Mensch ist nicht absolut und darum kann er das Absolute in seiner Endlichkeit nicht erfassen.» Potz Phrasenverk und kein Ende. 'Der Mensch ist nicht absolut? Was heizt denn «absolut?» Absolut ist nur ein Verhältniszbegriff (etwa wie Comparativ und Superlativ), der ohne das, vorauf er sich bezieht gar nichts bedeutet. Allerdings ist der Mensch «absolut» nämlich absolut Mensch. Und warum kann er denn, als nicht selbst absolut, das Absolute nicht erfassen? Das heizt doch nur: Der Mensch ist

Итакъ, обладая своею особенною исторіей философіи, своею особенною метафизикой, психологіей и логикой, г. Струве несомнѣнно занимаетъ въ средѣ современныхъ философовъ постъ совершенно изолированный. Онъ или новый Кантъ, основатель новыхъ ученій, или.... Но мы предоставимъ читателямъ нашимъ дать отвѣтъ на вопросъ этотъ, придавъ ему однако предварительно *роковое* значеніе, обозначивъ его словами «Aut Caesar; aut nihil».

* *

Но оставимъ ироническій тонъ, не по доброй волѣ нами избранный, и отнесемъ къ дѣлу серьезно и нравственно— строго.

Объявляется сочиненіе, опровергающее материализмъ, и оказывается само самымъ чистымъ, самымъ поверхностнымъ материализмомъ Какъ назовемъ мы подобное дѣло?

Объявляется сочиненіе строго-научное, и является сборище невѣжественнѣйшихъ ошибокъ. Какъ назовемъ мы подобное дѣло?

Объявляется сочиненіе научно-самостоятельное, и появляется *самая дюжинная* компиляція. Какъ назовемъ мы подобное дѣло?

nicht Pflanze, nicht Thier. nicht Planet u. s. w. und kann daher als Mensch die Pflanze u. s. w. nicht erfassen.— Ueber die Wortmacherei ohne Spur von Gedanken.

Ferner: «es zeigt sich unbedingt eine geistige Potenz in den tiefen Gesetzen der Natur;» «der Geist ist eine potentielle (etwa zweite oder dritte Potenz?) Steigerung und intensive Ausbildung der vorhandenen Naturkräfte» (etwa auch der Gravitation?) Sind denn das Alles mehr als aneinander gereimte Worte ohne Sinn. Und mit solchem Phrasenwerk wollen die Leute von Exatheit sprechen? Nochweiter ist von «phänomenalen Erscheinungen» die Rede; warum nicht gar. «botanische Pflanzen,» oder «zoologischer Thiergaden» oder «lithische Steine» und sonstiger Schprachunsinn, den etwa eine vornehmende Kammerjungfer schwatzen könnte?»

Но подобное дѣло, кромѣ самой нравственной своей отвѣтственности, есть въ тоже самое время величайшее оскорбленіе, которое можно нанести обществу, въ среду котораго оно направлено. Оно служитъ выраженіемъ презрѣнія къ суду общества, презрѣнія къ способности его отличить неправду отъ истины.

Брошюра г. Струве служитъ выраженіемъ величайшаго неуваженія къ познаніямъ и развитію русскаго общества и русской науки, ибо она выражаетъ обидное предположеніе, что ни русское общество ни наука не сѣмѣютъ отличить матеріализмъ отъ спиритуализма, трудъ ученаго отъ труда дилетанта, трудъ самостоятельный отъ замаскированной компиляціи.

Протестуя противъ обиднаго предположенія этого, мы позволимъ себѣ завѣрить г. Струве, что и въ русскомъ обществѣ и въ русской наукѣ найдетъ онъ не одного безпристрастнаго и компетентнаго цѣнителя.